

тоника: объект, теория и методология. – Сб. «Постсоветский институционализм». – Донецк, «Каштан», 2005.

8. Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории. – Экономический вестник РГУ, 2003, т.1., №4.

9. Большая энциклопедия под ред. Южакова С.Н. – СПб, Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1909, т.4.

Статья поступила в редакцию 03.01.2007

С.А. ГРИЦЕНКО,

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ

Экономическая преступность как объективное явление изучается целым рядом наук, таких как криминология, психология, социология. Однако общепринятого социологического или криминологического понятия «экономическая преступность» в настоящее время не выработано, несмотря на его широкое использование в научном обороте. Понимание экономической преступности крайне неопределенно. Это, безусловно, ограничивает возможности ее исследования и унификации законодательства по борьбе с данным явлением. Это связано, с одной стороны, со сложностью самого явления, динамичным изменением криминальной практики в экономической сфере, значительными национальными различиями, а с другой – с многообразием исследовательских подходов, обусловленных различными методологиями.

Экономическая наука специально не занимается исследованием сущности и форм экономической преступности. Это вполне объяснимо с точки зрения классической теории, которая изучает деятельность людей, определяемой объективными закономерностями. По идее А. Маршалла любой объективный общественный закон выражает «обобщение общественных тенденций, т.е. обобщение, гласящее, что от членов какой-либо социальной группы при определенных условиях можно ожидать определенного образа действий, т.е. закономерное развитие должно быть спроецировано на нормальное поведение людей» [5, с. 90]. Но в современной экономической жизни поведение субъектов осуществляется с разной степенью отклонений. Некоторые из этих отклонений в поведении находятся в пределах допустимых правил, ведь «ненормальность имманентна экономике» [10, с.154], точно также как и другим сферам общественной жизни. Но есть такие «ненормальные» виды поведения, которые приводят к нерациональному и неэффективному распределению ресурсов. Наличие аномаль-

ных и патологических состояний в экономике должно стать объектом специального анализа. Возникает вопрос – методология какой экономической теории в большей степени подготовлена к исследованиям аномалий в поведении людей? По нашему мнению, категориальный аппарат институционализма в полной мере подходит к исследованию аномалий и патологий в экономической жизни. Согласно институционализму реальная жизнь людей происходит в рамках определенного порядка, который обеспечивают институты разного рода – традиции, обычаи, нравы, правила, нормы, разрабатываемые отдельными социальными группами (семьей, коллективом, фирмой, кооперациями, государством и др.). Институциональная теория рассматривает институты как «совокупность созданных людьми правил и норм, выступающих как ограничения для экономических агентов, а также как соответствующие механизмы защиты и контроля за их соблюдением» [12, с.67]. В самой постановке вопроса о природе и роле институтов заложена идея об отклонениях от общепризнанных правил поведения. Если появляется норма, то это означает, что существуют отклонение от нее. В противном случае потребность в норме вообще бы отпала. Любые правила выступают способами ограничения поведения, которые должны быть признаны большинством людей с тем, чтобы сохранился общественный порядок. В этом плане нарушения (отход, отклонения) норм может привести к ухудшению или разрушению экономической среды. Именно поэтому отклоняющееся поведение становится особым объектом контроля и наблюдения. В связи с этим институциональная теория не может не заниматься девиациями, т.е. такими отклонениями, которые нарушают, деформируют и разрушают общепризнанный порядок. В этом плане экономическую

© С.А. Гриценко, 2007

преступность можно определить как институциональные девиации, которые попадают в сферу интересов институциональной теории.

Целью статьи является обоснование экономической преступности как социальной аномалии, исследование которой наиболее результативно может быть осуществлено методологией институциональной теории.

В рамках институциональной теории может быть выделен особый раздел, который будет специально заниматься исследованием отклонений в поведении хозяйствующих субъектов. Такой теорией может стать экономическая тератология (с гр. *teras* – чудовище, урод), которая будет изучать причины происхождения, формы и механизмы функционирования патологических (уродливых) состояний в экономической сфере жизнедеятельности общества. Задача данной теории заключается в выявлении и установлении объективных законов, которые приводят к всевозможным отклонениям от нормы, а также анализе различных видов преступлений (к примеру, взяточничества, уклонения от налогов, «отмывание» денег и т.п.). И хотя сегодня этими отклонениями занимается криминология, но ее методологический аппарат не всегда может выявить их глубинные причины. Институциональная теория способна выявить объективное основание экономической преступности и причины ее разнообразных форм.

Объективным основанием экономической преступности является аномия (от франц. *anomie* – беззаконие, безнормность), которая означает отсутствие, недостаток норм или их не соответствие потребностям индивидуального и общественного развития. Аномию следует рассматривать как всеобщее основание институциональных аномалий, что позволяет объяснить сущность и происхождение патологических форм развития экономики. По словам известного исследователя аномии Э.Дюркгейма, общество, в котором не происходит адаптации людей к существующим нормам, следует признать «патологическим» [14, с. 80].

Аномия находит свое проявление в противоречиях между индивидуально принимаемыми и общественно-необходимыми нормами жизнедеятельности. Существующие в обществе нормы и требования могут быть усвоены и понятны, но недоступны к реализации. В этом случае аномия выступает как безнормность, которая приводит к отчуждению человека от условий своей жизнедеятельности, к социальной дезинтеграции (когда теряются ориентиры в поведении), слабой социализации (при которой

человек не усваивает нормы общества) и т. п. В этом случае возникает несогласованность и конфликт между предписанными обществом целями и институциональными средствами их достижения. В такой ситуации субъект осуществляет свое поведение в разрез существующим требованиям, т.е. принимает решение о совершении правонарушения или преступления. Особой концентрации аномия достигает в экономической жизни, в которой укореняются цели денежного успеха. Не каждый индивид в обществе может в силу разных причин нормально связать общественные цели и приемлемые способы их достижения со своими поведенческими нормами. Невозможность достичь поставленных обществом целей приводит к патологическим формам поведения. При сильной степени аномии легитимные цели и общепринятые ценности отступают на второй план. Они становятся не приоритетными, а на первый план выдвигаются частные цели, незаконные и неустойчивые формы поведения.

Современное украинское общество характеризуется высокой степенью аномичности, поскольку рыночные ориентиры акцентируются на материальном (денежном) успехе, институциональные средства достижения которого не подвластны большинству членов общества в силу разных обстоятельств (отсутствие нужных способностей, приверженность другим культурным ценностям, усложненности нормативного доступа к предпринимательской деятельности и др.). В условиях, когда большинство законодательных норм не выполняется или выполняется не так, как задумывалось, властные органы вынуждены издавать еще больше нормативных актов, дополняющих или корректирующих их. Поэтому по количеству вводимых норм и законов, степени их исполнения и противоречию их друг другу можно судить о степени аномии в данном обществе. Наиболее зримым критерием аномичности развития является количество совершаемых преступлений. Экономические преступления в большей степени свидетельствуют об аномиях отношений собственности. Так, например, в годы наибольшей аномичности украинского общества (период с 1992 по 2000 годы) количество преступлений, зарегистрированных в сфере экономике, выросло на 91,3 % [3, с.52].

Если аномия выступает объективным основанием преступности, то причиной их совершения является противоречие в структуре транзакционных издержек по созданию институциональной среды. Экономическая преступность представляет собой разновидность эко-

номического поведения, особенность которого заключается в том, что при принятии решений нарушаются или деформируются механизмы распределения ресурсов общества на основе экономии индивидуальных транзакционных издержек относительно социальных затрат общества. Тем самым экономическая теория вводит в анализ преступности транзакционный исследовательский подход. Это означает, что акцент исследования должен быть смещен в область соизмерения транзакционных индивидуальных издержек и затрат общества. Субъекты экономической деятельности для реализации своих интересов должны следовать определенным правилам. Посредством экономических правил каждый субъект получает свой институционально-экономический статус. Значение данного статуса играет важную роль в понимании преступного поведения, поскольку только в рамках этого статуса можно говорить об отклонениях и нарушениях. Это в определенной мере совпадает с юридическим пониманием экономической преступности, к которой, как правило, относят уголовно наказуемые виновные общественно опасные деяния, посягающие или использующие легальные экономические институты, то есть правила, формы, процедуры, контрольные и санкционные механизмы экономической деятельности в любых ее формах [5, с.23]. Например, уклонение от уплаты налогов является отклоняющимся поведением субъекта, воплощенного в институционально-экономическом статусе предпринимателя. «Категория «статус» достаточно многозначна по своему центральному значению: статус – это «установление», «состояние», «постоянная позиция»; эта категория означает некоторое определенное статическое состояние субъекта. Но это не просто состояние, а «предпринятое», «определенное» состояние» ... Ясно, что вне статусного регулирования невозможно стабильное функционирование экономики [13, с.95]. Институциональный статус определяет место субъекта в экономической структуре, его связи, права и обязанности по отношению к другим людям. Формирование институционального статуса субъекта требует как социальных, так и индивидуальных транзакционных затрат. Так, для создания и поддержания институционального статуса предпринимателя общество затрачивает значительные по величине транзакционные затраты. К ним относятся формирование профессиональных знаний, создание соответствующей нормативной среды, органов защиты и контроля за их деятельностью. Кроме того общество вынуждено нести

транзакционные затраты по предотвращению преступного поведения. К ним следует отнести издержки идентификации нормативной ситуации и действий, издержки идентификации факта нарушения нормы, издержки выбора санкций, издержки применения санкций, издержки нарушителя нормы [9, с.182]. В то же время каждый индивид для получения институционального статуса предпринимателя несет свои индивидуальные транзакционные издержки (усилия, затраты времени и денег на создание, поддержание, защиту своих прав и преимуществ). Существенное место среди индивидуальных транзакционных издержек занимает обязательство уплачивать налоги, получать соответствующие разрешения, поддерживать нормативный порядок и т.п. Эти затраты должны возместить социальные издержки по созданию данного институционального статуса. В идеальном случае эти издержки должны совпадать. Это будет означать, что отклонения носят самокорректирующийся характер или другими словами – это будут нормальные отклонения. Общество, в котором индивидуальные и общественные издержки формирования статуса совпадают или, по крайней мере, имеют несущественные отклонения, можно определить как нормальное общество. Но такое состояние общества столь же проблематично, как и общество с нулевыми транзакционными издержками. Если в обществе станет возможным полное возмещение общественного ущерба от преступлений (сюда входят потери и ущерб жертв преступлений), то не происходят деформации в распределении экономических ресурсов, и как следствие не наблюдаются дисфункции. В этом ракурсе уже не может показаться «неожиданным» вопрос, который ставит Герри Беккер: «какое число преступлений следует признать допустимым и какое число преступников следует оставить безнаказанными?» [1, с.283]. Преступное поведение становится ненормальным социальным явлением в случае, если индивидуальные затраты на поддержание институционального статуса становятся ниже общественных. Другими словами, поведение становится преступным, если «издержки волеизъявления приводят к ущербу» [8, с.107], что, собственно, означает, что транзакционные издержки субъекта по поддержанию своего институционального статуса не совпадают с социальными издержками на его формирование и защиту, а значит, распределение ресурсов в обществе оказывается неэффективным.

С позиций институциональной теории можно проанализировать основные признаки

экономической преступности. Так криминологи к основному признаку относят корыстный характер совершаемых деяний [6, с. 35]. «Корысть» не является понятием экономической теории, а потому не имеет своего определения. Правда, юридическая наука также не может четко определить данное явление. Чаще всего, говоря о корысти, подразумевают – страсть к приобретению, к поживе, жадность к деньгам, к богатству, любостязание, падкость на барыш и т.п. Но если перевести обыденное значение корысти на экономический язык институциональной теории, то речь пойдет об одной из форм оппортунистического поведения. В классическом виде оппортунистическое поведение представляет собой создание благоприятной ситуации (удобства для себя) вопреки каким-либо принципам (деловой этике или условиям контракта), при этом субъекты следуют своим интересам любой ценой. Сам термин «оппортунистическое поведение» был введен О. Уильямсоном, который характеризует его как «преследование личных интересов с использованием коварства, включающего просчитанные усилия по сбиванию с правильного пути, обману, сокрытию информации и другие действия, мешающие реализации интересов организации. Оппортунистическое поведение необходимо отличать от простого эгоизма, когда индивиды играют в игру с фиксированными правилами, которым они безусловно подчиняются» [11, с.40]. Относительно экономической преступности можно говорить о том, что субъект нарушает условия общественного договора, получая выгоду вопреки всем другим субъектам экономики. Следовательно, экономические преступления могут анализироваться с позиции теории оппортунистического поведения. Если обратиться к схеме экономических преступлений, которая предложена экспертами Совета Европы [15, с.52], то она полностью попадает в разряд общественного оппортунизма, поскольку включает в себя следующие составы: монопольные преступления; мошенничество (подкуп, злоупотребление доверием, обман покупателей); цифровые махинации; фиктивные организации; фальсификации бухгалтерских документов; нарушения эргономических требований и стандартов; умышленная неточность в описании товаров; нечестная конкуренция; финансовые нарушения и уклонения от уплаты налогов; таможенные нарушения; валютные махинации; биржевые и банковские нарушения; нарушения, наносящие вред окружающей среде; «отмывание» преступно нажитых денег и собственности.

Рассматривая преступное поведение как экономическую категорию, в ней можно выделить определенные структурные элементы оппортунизма [7, с.22]. К ним относятся несовпадение интересов отдельных субъектов и общества в целом, асимметричность информации, скрытый характер недобросовестного поведения на основе манипулирования асимметричной информацией, ущерб, преднамеренность действия. Экономический субъект, вступая в общественный договор (стороной которого становится государство), ориентируется, во-первых, на максимизацию полезности при минимуме затрат и, во-вторых, на достижение экономического равновесия, свидетельствующего об эффективности использования имеющихся в распоряжении общества ресурсов. Оппортунистическое поведение позволяет увеличить полезность одного из субъектов общественного договора в одностороннем порядке, уменьшая, таким образом, полезность от нормативного порядка для общества в целом. Справедливости ради следует сказать, что и общество может совершать оппортунистическое поведение, пренебрегая интересами своих граждан. Но это тема отдельного исследования. Поскольку преступление мы рассматриваем как разновидность оппортунистического поведения, то, прежде всего, речь должна идти о том, что оно предполагает отклонение от норм, которые были заранее оговорены при оформлении институционального статуса субъекта. А разнообразные виды экономической преступности зависят от ресурса, вовлеченного в контрактные соглашения с обществом. В связи с этим можно различать такие виды преступных деяний в экономической сфере, как финансовые преступления; преступления, посягающие на правила конкуренции; преступления, посягающие на права потребителей; преступления, посягающие на порядок государственного регулирования экономики; компьютерные преступления; преступления, связанные с незаконной эксплуатацией природной среды; преступления, связанные с умышленным нарушением правил техники безопасности, наносящие ущерб наемным работникам.

Степень оппортунизма зависит от конкурентности рынка. Чем большей властью на рынке располагает субъект, тем больший объем информации в его распоряжении, а следовательно, и возможности уклонения от условий контракта. Наиболее показательным в этом отношении является взяточничество, поскольку государственный чиновник обладает возможностью злоупотреблять свои должностным по-

ложением на основе распоряжения ограниченными ресурсами [2, с.38].

Важной предпосылкой возникновения экономической преступности как общественно-го оппортунизма является нечеткая спецификация прав собственности, главной функцией которой являются уменьшение неопределенности во взаимодействиях между агентами. Соответственно спецификация прав собственности снижает риск возникновения преступного поведения. Одним из условий возникновения экономической преступности являются низкие стимулы к выполнению нормативного порядка. В каждом отдельном случае стимулы носят индивидуальный характер и, соответственно, чем они выше, тем меньше возможность риска появления оппортунизма как со стороны общества, так и отдельных субъектов. Но наряду с позитивными стимулами (выгодами) поведение субъектов реагирует на отрицательные стимулы (потери), которыми становятся санкции за невыполнение условий нормативного порядка. Естественно, чем более строгими являются санкции (а значит и трансакционные затраты на их осуществление), тем меньше вероятность возникновения преступного поведения.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Экономическая преступность является институциональной девиацией, поскольку представляет собой определенный тип отклонения от сформированного в обществе нормативного порядка.

2. Объективным основанием экономической преступности является институциональная аномия, отражающая такое состояние общества, в котором отсутствуют необходимые нормы, или они не соответствуют потребностям экономических субъектов, или последние не адаптированы к их выполнению.

3. Объективной причиной экономической преступности является противоречие между социальными и индивидуальными трансакционными издержками формирования и поддержания институционально-экономического статуса субъектов.

4. Экономическая преступность является разновидностью оппортунистического поведения, при котором преступные субъекты в процессе реализации общественного договора по сохранению нормативного порядка преследуют свои цели в ущерб интересам других членов общества.

Литература.

1. Беккер Гарри С. Избранные труды по экономической теории. Человеческий подход // Пер.с англ. – М.: ГУВШЭ. – 2003. – 672 с.
2. Гриценко А.А., Гриценко Е.А. Взятка как институциональный комплекс нации//Стратегія екон. розвитку України: Наук. зб. КНЕУ. – 2005. – Вип. 4. С. 37-45.
3. Кальман О. Стан і головні напрями попередження економічної злочинності в Україні: теоретичні та прикладні проблеми. – Х.: 2003. – 352 с.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века. – М.: 1997. – С. 257
5. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 1: Пер с англ. – М., «Прогресс», 1983 – 415 с.
6. Мишин Г.К. Проблема экономической преступности (опыт междисциплинарного изучения). – М.: ВНИИ МВД России, 1994. – С. 33-44.
7. Попов Е., Симоновна В. Эндогенный оппортунизм в теории «принципала-агента»// Вопросы экономики. – 2005. – № 3. – С. 18-30.
8. Постсоветский институционализм //Под ред. Нуреева Р., Дементьева А. – Донецк: «Каштан», 2006. – 480 с
9. Тамбовцев В.А. Право и экономическая теория. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 224 с.
10. Теория хозяйства. Том 3. –М.: 1997. – 551 с.
11. Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа// THESIS. – Осень. – Т.1 – Вып. 3. – 1993. – С.39-49.
12. Шаститко А. Условия и результаты формирования институтов //Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С.67-74.
13. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. – М.: Наука, 1998. – 256 с.
14. Durkheim У. Rulers For Distinguishing Between The Normal and The Pathological// Deviant Behavior. Annual Editions. 96/97. Periodicals. Printed in the United States of America. – 1997. – 240 p.
15. Farrell R., Swigert V. The corporation in criminology: New directions for research // J. of research in crime and delinquency. Beverly Hills (Cal.), 1985. Vol. 1. P. 85-122.

Статья поступила в редакцию 12.01.2007